

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ РОССИИ

Б.Г. Юдин

Человеческий потенциал России: состояние и перспективы

Последние десятилетия прошлого века основательно изменили жизнь человека и общества. Выдающиеся научные достижения стали обрушиваться на человечество буквально лавиной; при этом действующие в современном обществе социально-экономические механизмы позволяют в кратчайшие сроки воплощать эти достижения в новых технологиях, а затем и в товарах и услугах, адресованных самым широким кругам потребителей. Появляются все новые средства общения между людьми, новые социальные институты, даже совершенно новые области человеческой деятельности, и все это радикально трансформирует саму ткань общественной жизни. При этом образующие ее структуры по мере своего обновления становятся все более восприимчивыми к научно-техническим новшествам; последние же, в свою очередь, непрерывно генерируют импульсы, которые преобразуют не просто внешние условия, но и само содержание, саму суть бытия человека и общества.

Хотя далеко не все пока что понимают и осознают это, тем не менее в нашем мире наука уже отнюдь не ограничивается ролью всего лишь поставщика средств, пусть даже чрезвычайно важных и эффективных. Реальностью во все большей мере становится то, что само существование многих сфер деятельности современного человека опирается на те *научные знания, которые еще только предстоит получить*. Иными словами, получение новых научных знаний нередко становится не столько делом внезапных озарений, сколько систематической, даже рутинной работой, результат которой более или менее известен заранее. Еще до того, как этот результат бывает получен, хорошо известны и те ниши в производственных и иных про-

цессах повседневной жизни, которые ему предстоит заполнить. *Научная деятельность*, таким образом, все чаще *предстает* как своего рода поточное производство, *как индустрия исследований*.

Установление и укрепление этих многообразных и чрезвычайно интенсивных взаимозависимостей между наукой, техникой и самыми разными сферами жизни общества имеет одним из своих следствий то, что сегодняшнему человеку приходится обитать среди существенно иных реалий, чем его предшественнику. Ныне ему подвластны разнообразнейшие технологии и устройства, наделяющие его таким физическим и интеллектуальным могуществом, которым прежде не обладали даже боги. Принципиально важно то, что для овладения всем этим арсеналом не требуется каких-то специальных дарований — он доступен и рядовому обывателю. Непрерывно возникают все новые средства, которые не только позволяют человеку компенсировать дефицит собственных ресурсов, но и открывают перед ним совершенно новые пространства для развития и реализации собственных возможностей. Сегодня есть все основания констатировать, что именно *всемерное расширение человеческих возможностей стало — и в обозримом будущем продолжит оставаться — главным вектором научно-технического прогресса*.

Парадоксальным образом, впрочем, усиливая собственное могущество, человек в то же самое время становится все более уязвимым. XX век явил тому множество примеров: научившись синтезировать химические соединения, не существовавшие ранее в природе и способные проявлять множество полезных свойств, люди одновременно стали использовать эти знания в целях создания отравляющих веществ для массового уничтожения себе подобных. Более того, и то, что создавалось для благих целей, нередко порождает такие последствия, которые ложатся тяжким бременем на среду обитания, а значит, и на самого человека.

Первые же шаги в освоении энергии атома привели к созданию столь эффективного смертоносного оружия, что почти всю вторую половину столетия человечеству пришлось жить под прямой угрозой тотального самоуничтожения (сохраняющейся, правда, не в таких острых формах и до сих пор). Но, как оказалось, и «мирный атом» может быть приручен лишь до определенных пределов: Чернобыль стал для человечества грозным предупреждением о том, каким колоссальным разрушительным потенциалом могут обладать и те технологии, которые задумывались и создавались для достижения вполне конструктивных целей. Действительно, мы уже начинаем привыкать к тому, что причиной большинства техногенных катастроф оказыва-

ется пресловутый «человеческий фактор». А это, помимо всего прочего, свидетельство, во-первых, той мощи, которой обладают сегодня многие решения и действия отдельного человека, и, во-вторых, того, что сам человек бывает психически и морально не готов к тому, чтобы совладать с собственной мощью.

Далее. Взрывоподобное развитие информационных технологий в течение последних десятилетий привело к тому, что человек получил возможность ставить и решать множество задач, которые прежде просто нельзя было помыслить. Становится все больше таких сфер жизни общества, которые критическим образом зависят от надежного, устойчивого функционирования информационных систем и комплексов. Вместе с тем прогресс информационных технологий уже породил такие феномены, как компьютерная преступность, компьютерный терроризм, информационные войны...

Еще более впечатляющими выглядят перспективы современных биологических, прежде всего — генно-инженерных технологий. Они уже сегодня широко используются для получения множества изделий промышленного, сельскохозяйственного, медицинского, бытового назначения. В перспективе же — не только моделирование и коррекция процессов, происходящих в живой природе, включая организм человека, но и возможность — одними воспринимаемая как торжество человеческого гения, другими — как самая страшная угроза — создания человеческих существ с заранее заданными физическими, психическими и интеллектуальными характеристиками (того, что в англоязычной литературе называют *designer baby*)¹.

Таким образом, научно-технологическое развитие последних десятилетий все в большей мере концентрируется вокруг человека — как в том отношении, что его магистральным направлением становится всемерное расширение человеческих возможностей и открытие для него все новых степеней свободы, так и в силу того, что человек все чаще оказывается критическим звеном многих технологических процессов, а также подвергается опасностям, порождаемым самими же новыми технологиями, которые порой несут угрозу не только его физическому и психическому существованию, но и ставят под вопрос саму его идентичность.

Уже из сказанного вытекает, что происходящие глубокие перемены не могут не сказываться и на положении человека в *социальном мире*. В этой связи принципиальным представляется то обстоятельство, что и международные организации, и большинство стран мира ясно и недвусмысленно провозглашают приоритет человека, его прав и свобод. В частности, именно это утверждается во 2-ой статье Кон-

ституции РФ, в соответствии с которой обязанностью государства является «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека». Подчас такого рода высказывания понимаются как всего лишь лозунги, декларации, далекие от реального положения дел. Более того, в последнее время все чаще, причем даже с весьма высоких трибун, слышны голоса, доказывающие нам, что права и свободы человека — это якобы нечто импортированное с Запада и глубоко чуждое России, ее традициям и ее культуре. Стоит заметить, что такие рассуждения скорее, видимо, вольно, чем невольно, служат немалую службу бюрократии, поскольку по сути дела выступают как «историко-культурное» обоснование ее посягательств на интересы, права и свободы граждан России.

И действительно, можно без труда найти тьму эмпирических свидетельств тому, что государство (или те, кто выступают от его имени) не только не исполняет эту обязанность, но, напротив, само нарушает права и свободы собственных граждан. Тем не менее, поскольку эта норма провозглашена в основном законе государства, гражданин по крайней мере может апеллировать к ней, так что ее нарушители хотя бы будут знать, что их действия противоправны. И сегодня мы видим немало (хотя, увы, много меньше, чем хотелось бы) примеров, когда такие нарушения не проходят даром.

Существует и еще одно, вполне практическое обстоятельство, требующее от государства и общества более человеческого отношения к человеку. Демографические тенденции сегодня таковы, что население многих странах мира в ближайшие десятилетия будет довольно быстро стареть. Особенно острые формы этот процесс принимает в России, что, помимо всего прочего, приведет к сокращению доли населения в трудоспособных возрастах и повышению нагрузки на трудящихся; человек, таким образом, станет крайне дефицитным ресурсом². Это потребует отказа от вековых стереотипов, согласно которым людской ресурс у нас всегда в избытке — дело только за тем, чтобы его мобилизовать.

* * *

Сразу же следует сказать, что концепции, в которых человек рассматривается лишь в качестве ресурса, лет 30 назад бывшие весьма популярными, сегодня уже не могут рассматриваться как дающие достаточно полное представление о человеке. То же самое можно сказать и о концепциях «человеческого капитала». При всей их содержа-

тельности и продуктивности они тем не менее ограничены в том смысле, что человек в них предстает прежде всего как то, что так или иначе *потребляется, используется* в процессах производственной или социальной практики.

Достаточно интересны также концепции «уровня жизни» и «качества жизни». Последняя, в частности, с успехом применяется сегодня для оптимизации систем здравоохранения. Однако и эти концепции следует признать односторонними, поскольку они, напротив, представляют человека как существо по преимуществу *потребляющее*.

Более объемным следует считать понятие *человеческого потенциала*, которое включает в себя оба эти аспекта рассмотрения человека, но вместе с тем позволяет отразить и даже акцентировать представление о *самоценности человека*. Кроме того, это понятие удачно оттеняет и такую сторону человеческого бытия, как его принципиальную открытость, незавершенность в любой данный момент человеческой жизни.

Понятие человеческого потенциала, конечно, не может трактоваться как некая абсолютная и однозначная мера, характеризующая его носителя — на манер того, как понимается, скажем, коэффициент интеллекта. Фактически в физике, где родилось понятие потенциала, оперировать обычно приходится не с ним как таковым, а с понятием разности потенциалов, которая и определяет способность системы совершать некоторую работу. Это важно прежде всего в том смысле, что человеческий потенциал только отчасти представляет собой нечто данное человеку от рождения — в значительной мере он *формируется, развивается* в процессах социализации личности. Это важно также и в том смысле, что и актуально имеющийся, сформированный у человека потенциал может раскрываться, реализовываться в разной степени.

Необходимо сказать также об одном принципиальном отличии понятия потенциала, когда оно применяется к человеку, от тех случаев, когда оно применяется к физическим системам. В последнем случае осуществление системой работы, т.е. реализация ее потенциала, всегда ведет к его уменьшению. Иначе обстоит дело с человеческим потенциалом, поскольку его продуктивная реализация во многих случаях (ближайший пример — использование человеком своих способностей для приобретения новых знаний) ведет не к уменьшению, а к развитию, обогащению его потенциала³.

Таким образом, о задачах общества и государства в сфере человеческого развития можно сказать следующее: мерой совершенства общества — а также и критерием для оценки социально-экономической политики государства — является способность обеспечивать как сохранение, так и развитие, и реализацию человеческого потенциала

граждан. *Все то, что ведет к разрушению и деградации имеющегося в стране человеческого потенциала, несомненно, противоречит интересам не только самой личности, но и общества, и государства. И напротив, все то, что способствует его сохранению и развитию, ведет к укрупнению и обществу, и государства.*

Как известно, уже более пятнадцати лет в рамках Программы развития ООН (ПР ООН) ведется систематическая работа по определению количественных характеристик человеческого потенциала для большинства стран мира. Собранные данные публикуются в интереснейших ежегодных «Докладах о развитии человека». В работах ПР ООН используется такой показатель, как индекс человеческого развития (или индекс развития человеческого потенциала). Этот показатель включает три составляющих: приведенный среднедушевой доход, средняя ожидаемая продолжительность жизни и уровень грамотности населения. При этом подчеркивается, что один лишь среднедушевой доход, который характеризует экономическое состояние страны, не может быть адекватной оценкой развития человеческого потенциала. Дело в том, что этот доход может, вообще говоря, использоваться для самых различных целей, в том числе и не имеющих ничего общего с человеческим развитием и даже наносящих ему ущерб.

Действительно, страны с примерно равными значениями среднедушевого дохода могут сильно различаться по индексу человеческого развития; в то же время этот индекс может быть близким для стран, далеко отстоящих друг от друга по уровню экономического развития. Очевидно, во многом это зависит не только от имеющихся у государства экономических ресурсов, но и от направленности его социальной политики, от того, как общество реально определяет и выстраивает свои приоритеты.

Наличие такой, пусть даже далеко не совершенной (по признанию самих авторов докладов) количественной меры для оценки человеческого потенциала позволяет не только сравнивать государства по этому комплексному параметру, но и ставить и решать множество самых разнообразных задач в области определения и оценки социальной политики. Скажем, прослеживая из года в год динамику индекса человеческого развития страны, можно оценивать и корректировать политику государства в этой области. Путем дезагрегирования индекса, характеризующего развитие человеческого потенциала, можно сопоставлять различные регионы одной страны; изучать возможности развития групп, различающихся по уровню доходов либо по половозрастным параметрам и т.д. Исследования подобного рода проводились Институтом человека РАН в различных регионах России.

Важно отметить, что возможности развития и в особенности реализации потенциала во многом зависят от того, насколько в обществе защищены и гарантированы права человека. Между тем в докладах ПР ООН этому вопросу уделяется явно недостаточное внимание. Особый ущерб для реализации гражданами своих возможностей наносят всевозможные бюрократические ограничения, зачастую устанавливаемые не законом, а произволом чиновников.

* * *

Комплексное рассмотрение тех разнообразных воздействий, которые испытывает человеческий потенциал страны, открывает возможности не только для констатации существующих обстоятельств и тенденций, но и для того, чтобы можно было построить целостное представление и о человеческом потенциале, и о совокупном влиянии на него факторов риска самой различной природы. Это представление, в свою очередь, выступает в качестве основания при проведении *гуманитарной экспертизы*.

В первом приближении можно, вообще говоря, различить два типа социальных и научно-технических новаций — те, что оказывают непосредственное воздействие в массовых масштабах (как, скажем, законодательное изменение налоговой системы страны), и те, которые, хотя бы на первых порах, затрагивают сравнительно ограниченный круг людей (например, новые репродуктивные технологии). Следует, однако, подчеркнуть, что характеристики риска и возможных угроз, связанные с новациями второго типа, проявляются не только в непосредственных, но также и в опосредованных формах. Они, в частности, могут обнаруживать либо даже провоцировать глубокие и далеко идущие изменения в системе ценностей личности и общества, выступать в качестве основания для новых культурно-ценностно обусловленных размежеваний и конфликтов между людьми и социальными группами и т.п.

Представляется, что вполне возможно ставить вопрос и об опережающем реагировании, которое начинается *не после, а до того*, как риск для человеческого потенциала становится очевидным. Возможность такого опережающего реагирования предполагает принятие как минимум двух исходных посылок:

1) *любое* социальное или научно-техническое новшество можно считать источником негативных последствий, рисков, угроз для человеческого потенциала, пока в отношении него не показано обратное;

2) нередко эти угрозы, риски и негативные последствия оказываются непредвиденными не в силу принципиальной невозможности их спрогнозировать, а просто в силу того, что на предваряющих или на начальных стадиях их внедрения просто *не было предпринято требуемых для этого специальных усилий*.

Из этих посылок можно сделать такой вывод: сегодня социально необходимой становится особого рода систематически организованная деятельность, направленная на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала. Ядром такого рода деятельности, на наш взгляд, и должна быть гуманитарная экспертиза⁴.

В настоящее время при проведении оценки тех последствий, к которым может вести применение той или иной новой технологии, особенно там, где речь идет о ее возможных воздействиях на окружающую среду, все более широко начинает применяться принцип предосторожности (precautionary principle). В соответствии с ним — и это очень важно — именно на защитников предлагаемой новой технологии, а не на их оппонентов, ложится бремя доказательства того, что данная технология действительно безопасна. Иными словами, коль скоро возникают сомнения в безопасности этой технологии, ее применение не может быть начато до того, как эти сомнения будут сняты. Представляется вполне естественным опираться на принцип предосторожности и при проведении гуманитарной экспертизы.

Гуманитарная экспертиза нацелена на то, чтобы вырабатывать взвешенную оценку воздействия разного рода новшеств — промышленных, сельскохозяйственных, социальных технологий — на состояние человеческого потенциала страны. Многие из этих новых технологий оказывают глубокое воздействие на условия человеческого существования, на окружающую человека природную и социально-психологическую среду, наконец, на его генетическую, физиологическую, психическую и духовно-нравственную конституцию. В силу этого глубокого воздействия они могут быть охарактеризованы как чрезвычайно агрессивные и, следовательно, как потенциально (а зачастую и актуально) опасные при их неконтролируемом распространении и неумелом использовании. Безусловно, такого рода агрессивные технологии чаще всего несут в себе отнюдь не одно лишь негативное начало; напротив, негативные эффекты обычно бывают связаны не с ними самими по себе, а как раз с их неконтролируемым и неумелым использованием. Поэтому в задачи гуманитарной экспертизы входит выявление и оценка как позитивных эффектов новых технологий — в частности, того, в какой мере и в каких направлениях они способствуют расширению человеческих возможностей, — так и возможных негативных последствий их применения.

В частности, деструктивные для человеческого потенциала тенденции могут нести с собой некоторые новшества в сфере образования и воспитания; широкое распространение всякого рода новых психопрактик и психодиагностик, способных серьезно деформировать глубинные структуры личности⁵; даже вторжение в жизнь новых биомедицинских технологий (таких, как технологии клонирования человека, искусственного оплодотворения, генотерапии и генодиагностики, трансплантации органов и тканей и т.п.) наряду с приобретающей все более значительные масштабы практикой биомедицинского и психологического экспериментирования.

Кроме того, мы нередко видим, как новые факторы риска для человеческого потенциала порождаются решениями и действиями законодательных и исполнительных органов власти, замышлявшимися, естественно, с самыми благими намерениями. Дело в том, что в ходе реализации этих решений порождаются новые социальные практики и социальные технологии, каждая из которых может достаточно серьезно затрагивать самые разные стороны жизни людей. В задачи гуманитарной экспертизы как раз и входит предвидение и прогнозирование этих факторов риска. Речь, конечно, идет вовсе не о том, что такая экспертиза позволит заранее выявлять все возможные факторы риска. Но принципиально важна сама установка на то, чтобы не просто бороться с уже наступившими негативными последствиями, а стремиться систематически предвидеть их на тех стадиях, когда их предотвращение или коррекция еще не требует объемных и интенсивных усилий со стороны общества.

Другая и не менее значимая задача гуманитарной экспертизы — то, что благодаря ей общество может заранее освоить новую технологию. Гуманитарная экспертиза по сути дела выступает как форма предваряющего, моделирующего «обживания» обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств. Разнообразные методы экспертизы, вообще говоря, достаточно основательно разработаны в современной науке и получили широкое распространение в различных сферах практики. В этой связи можно отметить, например, экспертизу научно-технического прогресса (оценку технологий).

Далее, экспертиза является сегодня необходимым этапом деятельности по решению тех или иных народнохозяйственных задач, чем занимаются специальные экспертные службы. Широко применяется, скажем, экологическая экспертиза. Еще одна область экспертной деятельности (которая, к сожалению, до сих пор не обрела раз-

витых, систематически организованных форм) — это предваряющий комплексный анализ как законопроектов, так и проектов постановлений и решений органов исполнительной власти.

Следует обратить внимание на одно принципиально важное обстоятельство: основные процедуры гуманитарной экспертизы, такие, как широкое междисциплинарное обсуждение конкретных решений и проектов, согласование разнонаправленных интересов и т.п., не есть нечто неведомое и экзотическое; напротив, они чрезвычайно широко используются людьми во множестве самых разнообразных практических ситуаций. Эффективность же гуманитарной экспертизы во многом определяется её систематичностью и целенаправленностью. В целом следует отметить, что концептуальное и методологическое обоснование как общих принципов, так и средств осуществления гуманитарной экспертизы — это то, что требует дальнейшей проработки. В этой сфере и в отечественной, и в мировой литературе пока что, к сожалению, больше деклараций и пожеланий, чем конкретных результатов.

* * *

В предыдущем изложении в качестве объекта гуманитарной экспертизы мы имели в виду прежде всего научно-технические или социальные новации. Однако здесь необходимы некоторые уточнения и пояснения. Прежде всего, сферу ее приложения, исходя хотя бы из аналитических (но также и из содержательных) соображений, имеет смысл трактовать и намного более широко. В частности, объектом экспертизы может быть состояние (а также и динамика изменения) человеческого потенциала России в целом.

Вообще говоря, всякое новшество, входящее не только в производственные процессы, но и в наш быт, и в социальную практику, можно рассматривать как некоторый «предмет» (даже при фигуральном понимании этого термина применительно, скажем, к социальной жизни). Однако такое «предметоцентрическое» понимание нередко оказывается чересчур узким, ибо это новшество есть не только определенный предмет, но и определенные способы, практики его применения, оперирования с ним и т.п. И на личном, и на социальном уровне именно эта сторона дела и является наиболее существенной, поскольку последствия для человека и общества обычно порождает не сам предмет, а сопряженные способы взаимодействия с ним, те результаты, к которым ведут эти наши взаимодействия, и,